Л. КУЗЬМИН

СОЛНЕЧНЫЕ ОКОШКИ

СССР-17521

Л. КУЗЬМИН

СОЛНЕЧНЫЕ ОКОШКИ

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ Е. ЧЕРНЯТИНА

МОСКВА • «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» • 1981

К 70801—030
М101(03)81 045—81

©ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

ПАЛАТКИ И ЛАСТОЧКИ

Между лесом и рекой раскинулось чистое поле.

В нём с утра до вечера тихо и пусто. В нём только белые ромашки да летнее солнце.

Но вот однажды в полдень сюда прикатили тяжёлые грузовики, юркие самосвалы и небольшой оранжевый экскаватор на резиновых колёсах.

На траву спрыгнули весёлые люди в строительных касках. Они посмотрели вокруг, они сказали:

— Как славно! А построим завод и посёлок — будет ещё лучше. Давайте натягивать палатки, мы тут самые первые жители.

Очкастый, бородатый прораб Лёня повёл рукой над ромашками:

— Палатки поставим здесь. Прямо на рабочем месте.

Молодой каменщик Вася запрокинул курносое, всё в ярких веснушках лицо, посмотрел на солнышко и заспорил:

— Тут жарко! Лучше поставим палатки на краю леса. В лесу грибы и земляника.

А первогодок-строитель Катюша сняла лёгкую каску, тряхнула тёмными кудрями, засмеялась:

— Что спорите? Самое лучшее место у реки. Там старая сосна шумит, там свежий ветерок веет, белый пароход плывёт... У реки весело!

— Верно! — сказали Катюшины товарищи, подхватили палатки, побежали к сосне.

А под сосной был обрыв. Он, крутой, песчаный, весь отразился в речном заливе. В глубокой тихой воде плыли, как по небу, медленные облака. Меж облаков стояла такая же раскидистая сосна, но только вниз макушкой.

— Внимание! — сказала Катюша. — Забиваю первый колышек.

Она стукнула обухом топора по стальному колышку. Колышек звякнул: тан-н! Эхо над рекой откликнулось: «Тин-тан-н!», и солнечная тишина исчезла.

Из-под кореньев сосны, из-под обрыва прянули чёрные молнии. Воздух наполнился щебетом, свистом, и строители увидели множество ласточек.

Ласточки тревожно взвились над сосной, над заливом. Они пикировали к самой воде, чиркали по ней грудками, всё старались подлететь поближе к обрыву, но не решались и опять уходили в небо.

Катюша глянула вниз и увидела, что вся песчаная крутизна источена круглыми норами. В прохладной глубине нор пищали птенцы.

— Ой, — сказала Катюша. — Вот кто здесь первые-то жители!

Прораб Лёня тоже глянул под обрыв и тоже сказал:

— Правда! У нас тут соседи. Крылатые соседи с уютными домишками и с маленькими ребятишками. А если так, то давайте по-соседски и поступим. Давайте унесём палатки обратно в поле. Пусть ласточки нас не боятся, пусть спокойно воспитывают своих малышей.

— Пусть воспитывают! — сказали строители и потихоньку ушли из-под сосны и поставили палатки в ромашковом поле.

А потом зафырчал оранжевый экскаватор. А вслед за ним зашумели, запереклика́лись гудками голубые самосвалы. Экскаватор начал рыть влажную, чёрную землю; он стал нагружать ею автомашины, от разрытой земли запахло весенней пашней, свежестью — и стройка началась.

БОРЬКА

Робкие ласточки привыкали к строителям долго, а вот серенький полевой воробей Борька подружился с ними сразу.

Имя такое дал воробью машинист Иван Тимофеевич. Рабочее место у Ивана Тимофеевича высоко. Оно почти под облаками, в стеклянной кабине башенного крана.

Машинист сам, как птица, видит из кабины всю стройку. Помашут ему со стены каменщики, Вася да Катюша, и машинист включает кран, подхватывает на земле пакет шершавых, звонких кирпичей и подаёт каменщикам. Помашут ему верхолазы-монтажники, и кран осторожно возносит к монтажникам на высоту бетонные и стальные балки.

Работа у Ивана Тимофеевича серьёзная. Зевать по сторонам некогда. Он только во время обеда и глядит на поля вокруг, на светлую реку за полями, на синий лес за рекой. Он любуется, а сам вынимает из чемоданчика хлеб с маслом и наливает в кружку чай из голубого термоса. В такую вот минуту и залетел к нему воробей, но залетел не по своей воле.

В один погожий денёк только собрался Иван Тимофеевич пообедать, как глядь: мчится по воздуху растрёпанный воробьишка, а за ним — ворона. Глазищи у вороны злые, вот-вот она долбанёт серенького...

Иван Тимофеевич распахнул стеклянную раму в кабине:

— Давай, парень, сюда!

Воробей в окно — порх! Ворона каркнула: «Карр!», метнулась от окна в сторону и, тяжело махая крыльями, полетела восвояси к дальней роще.

— Вот так-то! Не обижай маленьких! — сказал машинист и глянул на гостя. А тот сидит в углу, пёрышки дыбом, в глазах ужас. — Ты тоже хорош, — сказал Иван Тимофеевич. — Не иначе,

1 75
0-1K 17
57-ЖБИ
СУ-Б 30
1 39-
7 2-4 75
0-1K 17

хотел у старой карги стащить какую-нито корочку... Хотел? А ну, признавайся!

— Чив-чив! — чирикнул воробей, и машинист рассмеялся.

— Да ты — толковый! Толковый и разговорчивый, как мой племянник Борька. Вот теперь и тебя я стану звать Борькой... Давай, Борька, работать вместе. Полно тебе чужие корочки таскать! Давай сами свой хлеб зарабатывать. А для начала отведай моего. Он у меня с маслицем.

И Борька склюнул крошку с маслицем, да так с того дня в кабине и прижился.

Во время работы воробей любит слушать шуршание металлических тросов над кабиной, любит слушать тихое гудение электромоторов. Вид у него при этом такой, словно он и не воробьишка вовсе, а большое-пребольшое начальство. Контролёр-механик!

Но больше всего Борьке нравится вылетать из окна и садиться на подъёмный крюк. Этот крюк висит под стрелой высоко, держит на стальных канатах то широкую плиту, то балку, неторопливо плывёт в летнем, золотом воздухе, а Борька на крюке посиживает и задиристо смотрит вокруг. Ему очень хочется, чтобы его увидели вороны и — позавидовали!

Иван Тимофеевич делает Борьке замечание:

— Ты, Борька, нарушаешь правила. Садиться на крюк нельзя. Смотри, кран опрокинешь...

Но Борька шутку понимает. Он весело откликается:

— Чивли-чив! Я лёгонький!

Рабочие воробья тоже не шугают. Даже строгий бригадир каменщиков дядя Федя посмеивается и каждый раз говорит:

— Это наш Борька. Борька с башенного крана.

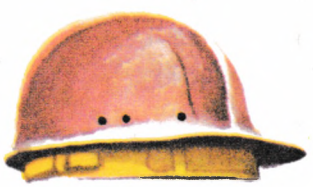
«ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА»

В поле за домами поднимался новый заводской корпус. Завод строили монтажники. Они работали на такой высоте, что у Катюши, когда она смотрела вверх, замирало сердце.

Издали могучие балки и колонны завода казались тонкими соломинками, а рабочие перебегали по ним словно муравьишки. Казалось, ударит ветер и соломинки закачаются, муравьишки упадут.

Но ветер налетал, а колонны и балки стояли прочно. Ловкие монтажники соединяли их крепко-накрепко огнём электросварки, и здание всё росло да росло.

И вот монтажники забрались так высоко, что башенный кран Ивана Тимофеевича уже едва доставал до них. Кран поднял свою стрелу почти отвесно. Он словно бы привстал на цыпочки, но всё равно самые верхние, кровельные балки занести к верхолазам на такую вышину, в поднебесье, не мог.



Стройка остановилась. Иван Тимофеевич слез по лестнице на землю. Спустились и монтажники, загорелые парни в брезентовых куртках. Куртки у парней были туго перетянуты поясами с железными заклёпками. На поясах — цепи, ими верхолазы пристёгивают себя к балкам на высоте.

Парни уселись рядышком на траву. Они все, как один, стали смотреть в небо.

Иван Тимофеевич тоже уставился на кучевую тучку за рекой.

Катюша пробегала мимо, крикнула:

— Кого ждёте? Борьку, что ли? Думаете, башенный кран не помог, так птичка-невеличка поможет?

— Конечно, поможет! — ответили монтажники. — Вон она, тут как тут! Уже летит...

Из-за лёгкого облака и вправду вынырнула блескучая точка. Она быстро приближалась. Она росла и жужжала. Она становилась всё больше, и вот все увидели, что это мчится, сверкает винтами огромный, с алыми звёздами вертолёт.

Он обогнал быстрых ласточек. Он пролетел над зелёной сосной и вдруг пошёл тише, тише. Вертолёт остановился и, вращая винтами, повис в гулком воздухе над самой землёй.

По траве, по ромашкам побежал ветер. Монтажники вскочили, замахали руками, Катюша ахнула:

— Вот так птичка! Только зачем она? Лётчики-вертолётчики в гости к нам прилетели, что ли?

Но лётчики прилетели не в гости. Они спустили к земле два крепких конца-троса. Рабочие прицепили тросы к тяжёлой балке, вертолёт загудел ещё громче и понёс балку вверх.

Монтажники быстро-быстро покарабкались по металлическим трапам вслед и наверху, на крыше, балку приняли и бережно поставили на место.

Катюша захлопала в ладоши, потом сказала Ивану Тимофеевичу:

— Придётся тебе, Иван Тимофеевич, скоро переучиваться. Придётся из машинистов переходить в пилоты.

Иван Тимофеевич рассмеялся, кивнул:

— А что? Вполне возможно... Теперь на стройке всяких чудес полно. Теперь у нас что ни день, то и новенькое что-нибудь!

САМОХОДНАЯ ДОРОГА

Нависли холодные тучи. Заморосили обложные дожди. Палатки промокли, и строители перешли в новый дом на краю леса. Ходить на работу стало дальше, да ничего не поделаешь... Осень!

Ласточки тоже улетели. В последний погожий денёк они долго носились в небе над стройкой. Они щебетали: «Прощайте! Прощайте!» — и рабочие махали им шапками, а прораб Лёня крикнул:

— До свидания! На ту весну прилетайте опять. Вашу сосну и песчаные домишки мы не тронем...

Дожди не унимались целую неделю. Земля набухла, раскисла. По дорогам ни пройти, ни проехать; машины с кирпичом, с цементом то и дело буксовали.

Не успеют рабочие вытолкнуть из ухаба один грузовик, как, глядь, уже второй грузовик бибикает, просит помощи. Он тоже застрял в грязи по самые ступицы.

Вася с Катюшей устали, измокли, нахмурились. А больше всех нахмурился усатый бригадир дядя Федя.

— Так дело не пойдёт! Надо что-то придумывать.

Прораб Лёня ответил:

— Всё уже придумано. Придумывать ничего не надо.

Но дядя Федя не слушает, всё равно ворчит:

— Вчера машины вытаскивали, сегодня машины вытаскиваем, а строить когда?

— Завтра утром!

— Почему завтра? Почему утром?

— Утро вечера мудреней! Разве не знаешь? — отшутился Лёня, да так ничего больше и не объяснил.

А на рассвете, грохоча мотором и раздвигая по сторонам липкую грязь, пошёл бульдозер. Он сровнял ухабы, а за ним

двинулись автокран и грузовик с толстыми железобетонными плитами.

Путь автокрану показывал прораб Лёня. По команде Лёни автокран брал с грузовика плиты, опускал перед собой на мокрую землю, въезжал на них, потом опять брал, потом опять опускал — и позади оставалась гладкая, прямая дорога.

Катюше на миг почудилось: дорога сама идёт вперёд. Она сама, будто широкая река, втекает в посёлок.

— Самоходная дорога! Самоходная дорога! — обрадовалась Катюша и вспрыгнула на дорогу. Полотно дороги было крепкое, оно даже гудело под каблуками.

А мимо Катюши уже вовсю поспешали автомобили с бетоном, с кирпичами, со звонким железом и с длинными, пахнущими сосновым бором досками.

И хотя по-прежнему накрапывал дождь, настроение у всех на стройке опять стало отличное. Дядя Федя подошёл к Лёне, крепко пожал ему руку:

— Молодец! У тебя и вправду утро вечера мудреней.

ЖЕЛТЫЙ, КРАСНЫЙ, ГОЛУБОЙ

Холодно зимой на стройке. Поднимаются утром каменщики на работу, на высокие леса, а мороз кругом так и потрескивает: «Ух-х... Ух-х... Вот я вас!» Морозу подсвистывает ветер: «Виу... Виу... Всех застужу!»

Но усатый, в лохматой шапке бригадир дядя Федя говорит:

— Это мы ещё посмотрим!

Дядя Федя командует громким голосом:

— Катюша! Подавай раствор. Вася! Подавай кирпичи.

Расторопные Вася с Катюшей быстренько подают раствор и кирпичи, а дядя Федя широченной ручищей в рукавице хватает железный мастерок.

Он проводит мастерком по раствору, как по тесту, — раз! Опускает на раствор увесистый кирпич — два! Пристукивает по кирпичу мастерком — три! Подрезает по шву раствор — четыре! И вот уже кирпич лежит в стене прочно и точно, а дядя Федя хватает другой кирпич, потом ещё кирпич, потом ещё, и — дело пошло! Стена растёт всё выше. Катюша с Васей едва поспевает за бригадиром, им — жарко.

Сероглазая, румяная Катюша расстёгивает на телогрейке верхнюю пуговку. Вася расстёгивает на своей телогрейке сразу три пуговки. А дядя Федя сбрасывает рукавицы — от горячих, голых рук идёт пар.

Дядя Федя говорит ветру и морозу:

— Что? Взяли?

Но работать весь день с такой быстротой нельзя. Надо отдохнуть. И тут ветер с морозом опять подбираются к рабочим. Румяные Катюшины щёки становятся лиловыми. Вася вновь застёгивает на телогрейке все пуговки. А у дяди Феди усы от инея становятся пышными, как у моржа.

— Одолевают нас неприятели, — говорит Катюша бригадиру. — Дело делать они не мешают, а вот отдохнуть не дадут.

Но дядя Федя опять говорит прежние слова:

— Это мы ещё посмотрим!

— Куда посмотрим-то? — разводит руками Катюша.

— Вниз посмотрим. На дорогу...

Вася с Катюшей смотрят на дорогу и видят: по белому полю едет поезд. Вместо паровоза впереди трактор, за трактором катятся три вагончика. Катятся они на салазках, и все три — разноцветные.

— Ой, что это? — спрашивает Катюша, потому что работает на стройке первую зиму.

— Это вагончики-обогревалки. Они к нам приехали на всё время.

— А зачем они цветные?

— Затем, чтобы каждый выбрал себе такой, какой нравится.

— Красный, жёлтый, голубой — выбирай себе любой? — смеётся Катюша.

— Правильно. Любой...

А Вася добавил:

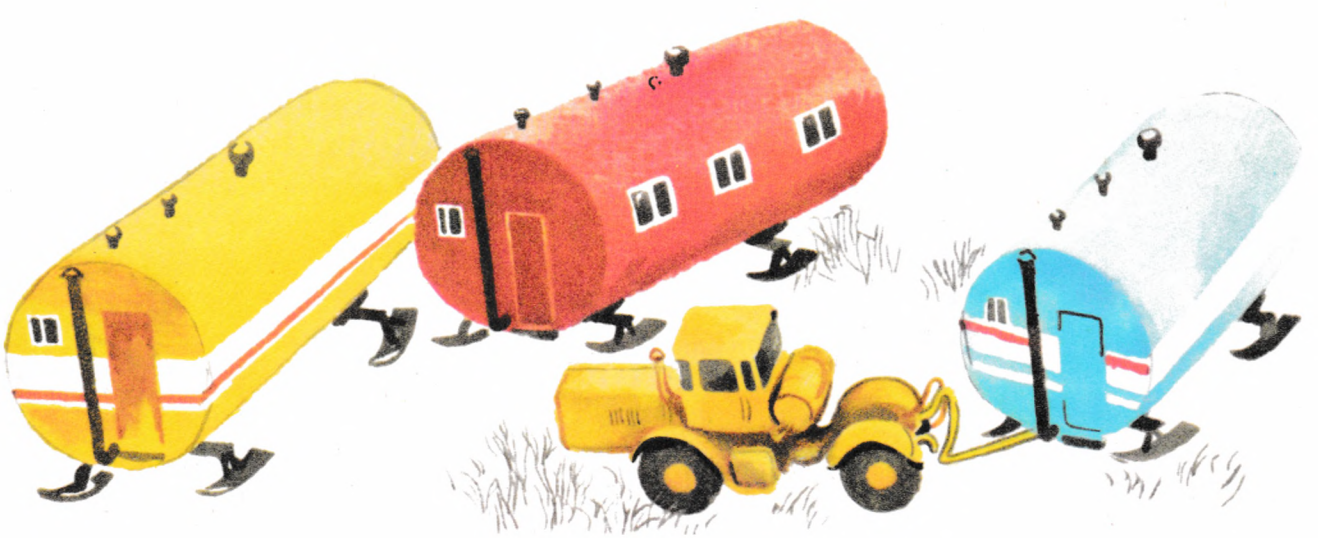
— Мы выберем красный. Потому что мы каменщики. Потому что работаем с красным кирпичом.

— Потому что красный — самый прекрасный! — поправляет Катюша, и они сбегают вниз и мчатся по снегу к своему вагончику. К другим вагончикам тоже торопятся рабочие.

Голубой выбирают монтажники-высотники. Ведь та высота, на которой они работают, в ясные дни — голубая.

Жёлтый выбирают машинисты и мотористы. Ведь здесь на стройке почти все краны, все машины выкрашены в оранжевый, желтоватый цвет. Даже воробей Борька нырнул в жёлтый вагончик.

А в каждом вагончике теплота. В каждом вагончике светится малиновым жаром круглая печка. У печек строители сушат рукавицы, дядя Федя обтаивает свои усы — у печек строители отдыхают. А когда отдохнут, то снова примутся за работу. Вот и получается: мороз и ветер ухают зря!



СОЛНЕЧНЫЕ ОКОШКИ

С тёплыми ветрами, с высокими облаками пришёл месяц май.

На стройке запахло дымком асфальта, свежей масляной краской, и вот однажды утром Лёня сказал:

— Посёлок и завод почти готовы. Нам скоро уезжать на другую стройку. Давайте дадим посёлку имя.

Все рабочие Лёню окружили, все заговорили:

— Давайте, давайте! Да только какое?

Рассудительный дядя Федя пробасил:

— Назовём посёлок Посёлком Строителей. Это будет в самую точку.

Лёня ответил:

— В точку да не очень. Мы и так в прошлом году на Урале назвали один посёлок таким именем. Два одинаковых имени — не интересно. Давайте придумывать что-нибудь новенькое, весёлое.

— Весёлое? Пожалуйста! — выкрикнул бойкий Вася. — У нас на работе Катюша самая весёлая. Самая весёлая и расторопная. Пусть посёлок называется Катюшино!

Катюша тут же ответила:

— Вася работал не хуже меня. Пусть посёлок называется Васино!

И вот пошло, поехало. Все зашумели, все наперебой стали кричать:

— Манино! Петино! Лёнино! Дяди-Федино! Иваново-Тимофеевичево!

А кто-то из монтажников гаркнул:

— Воробьёво-Борькино!

Тут высоко над толпою в распахнутом окне дома раздалось:

— Что за крик? О чём шумите?

Все подняли головы и увидели там старого мастера-стекольщика по фамилии Штукин.

Мастер Штукин только что навесил на петли застеклённую оконную раму. Он распахнул её, любуясь на собственную аккуратную работу, и в чистых стёклах вдруг вспыхнуло солнце.

Яркое солнце играло, переливалось во всех окнах. Оно сверкало по всему посёлку, и Катюша даже зажмурилась от этого сверкания.

Она крикнула:

— Гляньте! Везде солнышко, везде солнечные окошки! Пускай посёлок называется Солнечным.

— Пускай называется Солнечным! — подхватили каменщики, монтажники, маляры, а мастер Штукин подмигнул из окна дяде Феде:

— Вот теперь верно! Вот теперь можно ставить точку.

И с тех пор посёлок над рекой называется Солнечным. И живут в нём теперь не строители, а заводские рабочие. Воробей Борька живёт-поживает тоже здесь. Уезжать на другую стройку ему было нельзя, у него появилась подружка-воробьиха.

Борька выбрал для неё самый красивый дом, самый высокий оконный карниз и свил там гнездо. В гнезде сидит шестёрка глазастых крепышей-воробьят, и Борька им начирикивает:

— Чивли-чив! Этот чудесный посёлок строил и я чуть-чуть! С Иваном Тимофеи-чём!

Заводским рабочим посёлок тоже нравится. Они тоже говорят своим ребятишкам:

— Хорошо поработали строители! Большая-пребольшая им благодарность.

А над зелёной сосной у реки опять вьются ласточки. Они вспоминают Катюшу, Лёню, Васю. Они вспоминают всех строителей и тоже щебечут по-своему, по-ласточьи:

— Спасибо! Спасибо!

И в этом нет ничего удивительного. Добро помнят все. Добро помнят и люди и птицы.

20 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Лев Иванович Кузьмин

СОЛНЕЧНЫЕ ОКОШКИ

Рассказы

ИБ № 5434

Ответственный редактор К. Д. Арон. Художественный редактор И. Г. Найденова. Технический редактор Н. Г. Мохова. Корректор Е. Б. Кайрукштис. Подписано к печати с готовых диапозитивов 01.12.80. Формат 60×90/8. Бум. офс. № 1. Шрифт журнально-рубленый. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 2,01. Тираж 300 000 экз. Заказ № 815. Цена 20 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного Комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва. Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.